

О. Ю. Кириллова, Н. С. Кириллова, А. С. Пушкин

ДИАЛЕКТИКА МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИИ РОБЕРТА МУЗИЛЯ „DIE PORTUGIESIN“

*Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Россия*

Аннотация. В статье на примере произведения австрийского писателя XX в. Р. Музиля „Die Portugiesin“ («Португалка») исследуется тема «соединения» мужского и женского начал, тема «иноного состояния», в котором мужское или «рациоидное», активное, интеллектуальное начало стремится к слиянию с женским, «нерациоидным», пассивным, чувственным. В настоящее время происходит новое осмысление ролевых отношений мужчин и женщин, все чаще поднимается вопрос о гендерной картине нашего общества, которая формируется в сознании людей в том числе под влиянием художественной литературы. Опираясь на аксиологический и антропологический подходы, а также метод общетекстового анализа, комплексного исследования языковых средств, авторы приходят к выводу, что самореализация мужчин и женщин происходит через слияние маскулинного и феминного в паре, приводя к гармонии и единству. Разительный контраст мужского и женского образов в портретной характеристике, действиях и поступках персонажей, психологии поведения по ходу развития сюжета выражен в ярких сравнениях и эпитетах, лексике определенных семантических групп. Несмотря на два полярных способа восприятия одной реальности, желание понять друг друга, чувство любви становится силой, объединяющей противоположности.

Ключевые слова: *Р. Музиль, диалектика, мужской образ, женский образ, эпитет, сравнение*

O. Yu. Kirillova, N. S. Kirillova, A. S. Pushkin

DIALECTICS OF MALE AND FEMALE IN “DIE PORTUGIESIN” BY ROBERT MUSIL

I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia

Abstract. The article examines the theme of “connection” of male and female, the theme of “another state”, in which the male or “rationoid”, active, intellectual principle strives to merge with the female, “non-rational”, passive, sensual in the work of the Austrian writer of the 20th century R. Musil “Portuguese”. Currently, the role relations of men and women are being reconsidered. The issue of the gender picture of our society (which is also formed in people’s minds by fiction) is more often raised. Based on the axiological and anthropological approaches, as well as the method of general textual analysis, integrated study of language means, the authors come to the conclusion that the self-realization of men and women occurs through the merging of the male and female leading to harmony and unity. The striking contrast of the male and female images in the portrait characteristics, actions, and deeds of the characters, the psychology of behavior in the development of the plot is expressed in vivid comparisons and epithets, and in the vocabulary of certain semantic groups. Despite the two polar ways of perception of one reality, the desire to understand each other, the feeling of love become a force that unite the opposites.

Keywords: *R. Musil, dialectics, male image, female image, epithet, comparison*

Введение. Проблема взаимоотношений между женским и мужским полами имеет глубокие философские традиции. Первые представления о роли мужчины и женщины в обществе возникли в религиозных источниках Библии и Корана. Особое внимание с давних

времен уделялось семье и браку. В семье мужчина был главой и, соответственно, имел превосходство над женщиной. Женщина считалась слабым полом, поскольку обладала слабой физической силой, в отличие от мужчин. С древних времен мужчины воевали, они становились защитниками как своих стран, так и своих семей. Мужчину описывали как воинственного, храброго, доблестного, смелого человека, обладающего могучей силой. Образ женщины, наоборот, характеризовался верностью, смирением, самопожертвованием. Считалось, что женщины принадлежали дому, мужу и детям. В работе «Феноменология духа» Г. В. Ф. Гегель также выражает свое мнение по поводу диалектики мужского и женского. Он считает, что женщине по своей природе предназначена пассивная роль воспитателя семейных ценностей, в то время как мужчина принимает на себя задачу постепенного преодоления естественной непосредственности, создания культурной сферы свободного морального действия, политики, искусства, науки, религии и философии [5]. Диалектика мужского и женского, ее социально-философский и идеологический аспект, эволюция образов мужчин и гендерных отношений, гендерные роли и гендерные стереотипы, биполярность и целостность мужского и женского как универсальная проблема человека стали предметом исследования таких ученых, как К. С. Квон [8], Н. И. Андреева [2], С. А. Орлянский [13], О. Б. Максимова [12], Т. И. Ерошенко [6]. Со временем гендерная картина претерпевала всевозможные трансформации, но, как утверждает С. Д. Алеулов, психологи прошлого и настоящего сходятся во мнении, что соединение противоположных полов приводит к взаимодополнению и целостности. Самореализация мужчин и женщин происходит через слияние маскулинного и феминного в паре, приводя к гармонии и единству [1]. Данная идея прослеживается и в одном из произведений Роберта Музиля – «Die Portugiesin».

Целью данной работы является выявление органической взаимосвязи, взаимозависимости женского и мужского начал в произведении австрийского писателя XX в. Р. Музиля „Die Portugiesin“ («Португалка»).

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в последнее время все чаще возникают дискуссии о гендерных стереотипах и гендерной идентичности. На протяжении всего XX в. происходили и продолжают происходить в XXI в. колоссальные культурные и социальные колебания в понимании того, какими должны быть роли мужчины и женщины. В связи с этим особый интерес представляет художественное осмысление мужских и женских образов в произведениях писателей разных стран.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужила новелла австрийского писателя Р. Музиля „Die Portugiesin“ («Португалка»). Методология исследования опирается на аксиологический и антропологический подходы, а также метод общетекстового анализа: определение целенаправленности текста, его информационной структуры, лексико-синтаксических средств его организации, образности, эмоциональной окрашенности, позволяющий описать мужской и женский образы исследуемого произведения на материале образного языка.

Результаты исследования могут быть использованы при составлении теоретических курсов по стилистике немецкого языка, в преподавании истории немецкоязычной литературы, а также в процессе подготовки специалистов лингвистического профиля.

Результаты исследования и их обсуждение. Роберт Музиль – австрийский писатель и театральный критик. Наиболее значимые периоды его творчества приходятся на Первую мировую войну, на установление национал-социалистического господства в Германии и Австрии. Работы Роберта Музиля включают в себя новеллы, драмы, эссе, рецензии, а также романы.

Произведение Роберта Музиля „Die Portugiesin“, написанное в 1923 г., входит в трехчастный цикл новелл „Drei Frauen“ («Три женщины»). Главными героями данной новеллы являются господин фон Кеттен и его жена португалка. Несмотря на то что произведение называется „Die Portugiesin“, центральное значение в повествовании имеют фигура господина фон Кеттена и его поиски самого себя.

По мнению О. Ю. Кирилловой, О. В. Ушаковой, А. С. Яковлевой, «...понимание сущности человеческих характеров и их взаимоотношения между собой автор литературного произведения развивает в системе создаваемых им образов» [10, с. 63–64]. С самого начала новеллы подчеркивается неоднозначность существования господина фон Кеттена: имя, происхождение, место жительства и характеристики – все указывает на существенную полярность. В то же время становится ясно, что господин фон Кеттен олицетворяет не столько личность, сколько тип, который находит свою противоположность в португалке, представленной также в своих типичных характеристиках [9]. В новелле речь идет не столько о межличностных взаимоотношениях пары, сколько об изображении двух основных способов существования, двух основ бытия и возможности или невозможности их синтеза. В новелле синтез удается благодаря чуду, но на этом история заканчивается, поэтому невозможно сказать, возможен ли этот союз на протяжении длительного времени и как он выглядит в деталях.

Господин фон Кеттен изображается как чистый представитель человека действия. Кажется, что духовное ему чуждо, но то, что эта область ему все же присуща, выражается в неоднозначности его характеристик. Во-первых, в новелле его имя представлено как на итальянском *delle Catene*, так и на немецком языках – *Herr von Ketten*, что указывает на принадлежность к двум культурным кругам. Во-вторых, *delle Catene* или *von Ketten* является наименованием рода, пришедшего с севера и осевшего на юге: *Sie waren aus dem Norden gekommen und hatten vor der Schwelle des Südens haltgemacht*.

Север здесь, вероятно, олицетворяет воинственную, активную германскую культуру, в то время как юг является воплощением эстетики и изысканного образа жизни. Кеттены живут как люди действия, и, хотя они могут принять и другой вид бытия, они еще не установили с ним связь: они просто «остановились на пороге ...»: *an der Schwelle ... haltgemacht*.

Главный герой новеллы как представитель этого рода находится в пограничной ситуации, вследствие чего обостряются внутренние проблемы. Его характеристика начинается с сухой констатации – повтора одинаковой синтаксической конструкции в коротком военном стиле: *sie hießen...; sie waren...; sie gebrauchten*.

Значение самого имени столь же неоднозначно, как и географическая и этническая принадлежность этого рода. Слово *Kette* переводится с немецкого как цепь, цепочка, оковы. С одной стороны, оно выражает связь господина фон Кеттена с традицией рода, он выступает как бы звеном в цепочке поколений. С другой стороны, имя *Ketten* указывает на его включенность в режим деятельности и, возможно, потребность в освобождении.

Символика цепи также указывает на значительную изоляцию, дистанцированность от социума, о которой свидетельствует не только особое социальное положение переселенцев с севера, но и расположение их замка. Эпитет *...lotrechten Wand...* говорит о том, что замок находится в труднодоступном месте, на вертикальной стене, и окружен ревом дикой горной реки, так что даже ни один звук в мире не может проникнуть в замок извне: *Seitlich des großen, über den Brenner nach Italien führenden Wegs, zwischen Brixen und Trient, lag auf einer fast freistehenden lotrechten Wand ihre Burg. ... Fünfhundert Fuß unter ihr tollte ein wilder kleiner Fluß so laut, dass man eine Kirchenglocke im selben Raum nicht gehört hätte, sobald man den Kopf aus dem Fenster bog. Kein Schnall der Welt drang von außen in das Schloß...* Замок в период долгих лет ожидания португалки мужа со сражений стал для нее темницей. Только ее взгляд может проникнуть сквозь толстые стены замка и удивиться красоте вокруг.

Полярность севера и юга, верха (расположение замка) и низа (вид с замка), внутри и снаружи, бурлящая река и вид вокруг замка символизируют два противоположных образа жизни – деятельностную и созерцательную. Кеттены репрезентируют первый уже потому, что все их действия направлены на получение выгоды. Четырехкратный повтор слова *Vorteil* (выгода) во вступительной части повествования подчеркивает данный факт: *kein Vorteil entging ihnen in weitem Umkreis*, при этом неважно, каким способом они получали выгоду – *redlich oder gewaltsam oder listig* – честным способом, или жестоким, или хитрым.

Примечательны также цветочные эпитеты для характеристики мужчин данного рода-племени. Они никогда не краснели от злости и не розовели от радости, а наоборот, чернели от злости, а от радости сверкали, как золото: *Sie wurden nie rot vor Zorn oder rosig vor Freude, sondern sie wurden dunkel vor Zorn und in der Freude strahlten sie wie Gold*. Для характеристики эмоциональных проявлений обычного человека применяются цвето-обозначения *rot, rosig*, в то время как колористическая лексика *dunkel vor Zorn, strahlten sie wie Gold* способствует решению задачи усиления выразительности и авторской модальности, не только реализует в данном контексте свой эстетический потенциал, но и подчеркивает особенность эмоционального проявления персонажа.

Представители данного рода рано седали: *...dass sie früh weiße Fäden in ihr braunes Haupt- und Barthaar bekamen*, умирали до шестидесяти лет. Но при всем этом были блестящими кавалерами: *glänzende Kavalier*, женились на девушках из других стран. При выборе жены красота девушки имела решающее значение, но не как эстетический атрибут, а как полезное репродуктивное свойство: они хотели красивых сыновей. Так, двенадцать лет назад господин фон Кеттен женился на португалке, однако он «человек войны», его стихия – война, и образ жизни жены ему чужд: *Traulich erschien ihm dagegen Kriegslist, politische Lüge, Zorn und Töten! Tat geschieht, weil andre Tat geschehn ist... Befehlen ist klar; taghell und dingfest ist dieses Leben... wie wenn man mit dem Finger weist und sagen kann, das ist dies*. Это объясняется тем, что он в течение двенадцати лет враждовал с местным епископом и редко появлялся дома. Мир Кеттена понятен – *taghell*, в нем присутствуют конкретные вещи, военные атрибуты – *Jagd, Abenteuer und Dingen*. Он практически не знал свою жену и двух сыновей, именно поэтому автор приводит следующее сравнение его отношения к португалке – *fremd wie der Mond*. Соответственно ее стихией является ночь. Кеттен называет ее во время своей болезни *mondnächliche Zauberin*, зачатие второго ребенка, как и воссоединение супругов в конце новеллы, проходят под знаком ночи.

Жена кажется Кеттену загадочной и чуждой, потому что, в отличие от него, чья жизнь целенаправленно ориентирована, как стрела, которая попадает точно в цель – *wie ein Pfeil, der trifft*, смыслом жизни португалки является гармония с самой собой. Господин фон Кеттен сравнивает ее с жемчугом, округлость которого источает «непостижимую» надежность – *eine unbegreifliche Sicherheit*. В то же время автор описывает португалку как *schweigend wie eine Rose*, т. е. она доверилась мужу и покорно его ждала. Она сравнивается с ручьем родника – *nur aus sich heraussteigend und in sich fallend* – и олицетворяет собой тем самым спокойную безмятежность.

Существенная разница образа португалки и ее мужа господина фон Кеттена состоит в их силе. Его сила физическая, почти животная, воплощенная в волке, которого португалка приютила потому, что он напоминал ей о муже: *...weil seine Sehnen, sein braunes Haar, die schweigende Wildheit und die Kraft der Augen sie an den Herrn von Ketten erinnerten*. Его сила, кажется, «исходит из глаз и исподлобья» – *Augen und Stirnen zu kommen*. Сравнение *sehnegeflochtene Hand* – рука, переплетенная сухожилиями – указывает на физическую силу фон Кеттена. Португалка же, наоборот, обладает не физической силой, а духовной, ее сила заключается в непоколебимом спокойствии. Поскольку этот вид силы чужд господину фон Кеттену, он кажется ему выражением непостижимых, почти магических сил.

При описании господина фон Кеттена много раз повторяется слово *Sehne(n)* в значении 'сухожилие; тетива'. В большинстве случаев повтором данного слова подчеркивается его физическая сила. Однако один раз данное слово употребляется в виде глагола *sich sehnen* – тосковать, стремиться, что может указывать на его неосознанное желание отказаться от физической силы ради познания другого состояния.

На двенадцатом году войны с епископом Триента господин фон Кеттен начинает размышлять о другой жизни. Ему кажется бессмысленной вражда, если епископ по-прежнему спит на чистых простынях в окружении ученых клириков и услужливых художников: *...der auf reinem Linnen lag, von gelehrten Klerikern umgeben, Maler in seinem Dienst, während er wie ein Wolf ihn umkreiste*, в то время как он похож на волка, который кружит вокруг своей жертвы.

Господин фон Кеттен устал от войны, устал в течение двенадцати лет скакать от одного отряда к другому, от крепости к крепости. Он мечтает о другой жизни, постепенно это превращается в экзистенциальный кризис. Впервые это проявляется в его взгляде, когда он находится в обществе своих боевых товарищей, и хотя он изредка отвечает на их грубые шутки, однако остается в целом безучастным в их разговорах, его взгляд недвижим, слова тихие и краткие: *Er musste grobe Scherze erwidern und tat es wie ein Mann, aber seine Augen bewegten sich wenig dabei. ...er schrie nicht, sein Wort war leis und kurz.*

Португалка, ожидая возвращения мужа, гуляет в лесу, пытаясь понять его, почувствовать то, что чувствует он. Лес, символизирующий самого Кеттена и его образ жизни, обрисован как живое существо. Он принимает португалку, но его душа отступает, отстраняется, не раскрывая тайн: *Wald öffnet sich, aber seine Seele weicht zurück*. В лесу ей попадаются все больше препятствий – *immer neue Mauern*.

И вот война внезапно заканчивается. Господин фон Кеттен теряет свою привычную цель в жизни и не находит еще ничего, что могло бы ее заменить. По пути домой такое пустяковое событие, как укус мухи, вызывает его коллапс: он переживает полное растворение своего существа. Болезнь его подобна лихорадочному чистилищу, в котором он тает: *Der Kranke schmolz in seinem Feuer täglich mehr zusammen, aber auch die bösen Säfte schienen darin verzehrt und verdampft zu werden*. Господин фон Кеттен сравнивается с оболочкой, полной мягкого жаркого пепла: *eine Form voll weicher heißer Asche*, от прежнего силача не остается ничего. В связи с этим вспоминается миф о фениксе: кажется, господин фон Кеттен снова готов воскреснуть в новом образе. Именно в этом нам видится функция болезни господина фон Кеттена: он ждет, когда ему будет даровано новое существование: *alles aber lag in einer riesigen gütigen Hand, die so mild war wie eine Wiege... Das mochte Gott sein. Er zweifelte nicht, es erregte ihn aber auch nicht; er wartete ab...*

Однако, похоже, спасение не приходит. Убив волка, которого вырастила его жена, он пытается вернуть прежнюю дикую силу, но вместо этого кажется не чем иным, как жалкой карикатурой. И даже его жена отворачивается от него, так как в это время в замке появляется друг португалки с родины, с которым она проводит все свое время. Господин фон Кеттен слишком слаб, чтобы выдворить друга детства, и против его воли португалец остается. Гадалка говорит ему, что он должен «что-то» совершить, если он хочет выздороветь. О чем идет речь, остается невысказанным.

Внезапное появление маленькой кошки и ее мученическая смерть стали решающим моментом для трех человек. Для португалки кошка подобна ребенку *wie ein Kind*, к ней она питает материнскую нежность. Для португальца, т. е. ее друга, кошка – предлог, чтобы сблизиться с португалкой, а для господина фон Кеттена кошка имеет самое большое значение, он чувствует, что вместе со смертью кошки уходит его болезнь: *Herrn von Ketten erinnerte das zerstreute Spiel an seine halb überwundene Krankheit, als wäre die ... in das Tierkörperchen verwandelt*. Тем самым образ кошки представляет собой чудо в христианском смысле, за ее образом угадывается образ Иисуса Христа, посланный Богом на землю

ради спасения Кеттена. В таких строках о кошке, как *zweites Wesen* (второе лицо Троицы), *Ab-Wesen* (абсолютное ничто), *stiller Heiligenschein* (безмолвный ореол), *leuchtend schwach* (слабый свет), *ihr Martyrium* (мученичество), о ее худобе и потере веса – *Körperlichkeit* (потеря «телесности»), о ее отдалении от земного *vom Irdischen* и в ее *Menschwerdung* (перевоплощение в человека) прослеживается явная параллель с Иисусом Христом.

Впервые после болезни господин фон Кеттен принимает решение: он хочет убить португальца, если тот не уедет к вечеру. Но то, что было для него легким и естественным до болезни, теперь ему дается с трудом: ... *Kampf erschien ihm wie eine sinnlose Bewegung, selbst der kurze Weg eines Messers war wie eine unendlich lange Straße, auf der man verdorrt.*

В то же время герой решает, что страдание тоже не его путь: *auch Leiden...nicht seine Art*. В ожидании божьего суда или чуда он в трансовом состоянии начинает взбираться на стену замка. Когда Кеттен осознает, что делает, своими усилиями он совершает то «невероятное», о котором возвестила гадалка, и исцеляется от болезни. Успех восхождения явно связан с кошкой: *Nicht er, sondern die kleine Katze aus dem Jenseits würde diesen Weg wiederkommen, schien ihm*. Ему казалось, что это не он, а кошка из загробного мира преодолевает этот путь. Таким образом, выздоровление Кеттена и последующее воссоединение супругов происходят под влиянием чуда.

Поднявшись в спальню португалки, господин фон Кеттен замечает, что португалец уехал, у него возникает ощущение, будто жена ждала супруга. Все указывает на то, что две противоположные сферы, которые воплощают Кеттен и португалка, сливаются в счастливом синтезе. Занавес из шума бурлящей реки и шума ветра – *Vorhang des Brausens* – первоначально символизирующий изоляцию Кеттена и португалки, теперь укрывает их и символизирует защиту.

Гельмут Арнтцен в комментарии к произведениям Р. Музиля в контексте комплекса рассказов о трех женщинах назвал новеллу „Die Portugiesin“ «самой связной, поэтологически ... самой удовлетворительной историей» [15, S. 57–58]. Возможно, это сопряжено с тем, что в новелле реализован или хотя бы присутствует намек на союз рациональной и нерациоидной сфер. В других произведениях Музиля, по его словам, все попытки познать этот идеал «другого состояния» терпят неудачу. В новелле „Die Portugiesin“ совершенно очевидно рациональную сферу, начиная от фиксированной практической ориентации, обыденной реальности, объектного поведения и причинно-следственных связей, воплощает в себе фон Кеттен. Португалка олицетворяет собой нерациональную сферу в силу этико-эстетических проявлений, оригинального способа видения, субъективного поведения и ощущения скрытой реальности. Т. А. Османова при анализе языковых средств актуализации гендера замечает: «Через художественные приемы и тропы передается восприятие мира мужчиной и женщиной... Мужчина видит мир как нечто целостное, не вдаваясь в частности, в детали. Женщина же все воспринимает конкретно, детально» [14, с. 67].

Вероятно, Музиль, разграничивая «рациональное/нерациоидное» [5, с. 307], предполагает не существование двух отдельных реальностей, а, скорее, два полярных способа восприятия одной реальности. Эти полярные точки зрения ярче всего представлены в анализируемой новелле мужской рациоидной фигурой фон Кеттена и женской нерациоидной фигурой его жены. «Являясь зеркальным отображением многообразия реальной действительности» [3, с. 15], образы Кеттена и его супруги представляют собой идейное воплощение новеллы о единстве мужского и женского.

Выводы. Таким образом, в новелле Роберта Музиля „Die Portugiesin“ ярко выражен противоречивый процесс между противоположными сторонами, между мужским и женским образами. Господин фон Кеттен – это образ воинственного человека, сильного, могучего воина, который практически всю свою жизнь проводит в сражениях. Языковыми средствами, подтверждающими данный факт, являются многократные повторы лексики

Tat, Töten, Wildheit, zerdrücken, военной лексики: *Speer, Pfeil, Jagd, Abenteuer*, абстрактных слов и эпитетов для выражения эмоций с агрессивно-воинственной окраской: *gewalt-sam, listig, Kriegslust, politische Lüge, Zorn*, глаголов деятельности по достижению цели [4]. В описании героя преобладают сравнения *bös wie Messer, die ungeheure Kraft*, эпитеты *scharf, sehnegeflochten, glänzend*, глаголы конкретного действия.

В отличие от мужа, португалка – воплощение образа нежной, заботливой, трудолюбивой и терпеливой жены, типичная девушка юга с характерными для нее чертами, такими как доверительность, словоохотливость и теплота, потребность к сближению. Для описания образа португалки автор использует сравнения и эпитеты: *geheimnisvoll wie die vielen Perlenketten, wie eine arme verlorene Seele, wie eine Rose, fremd wie der Mond* и т. д.

Противопоставление в новелле мужчины и женщины, дня и ночи, активного и спокойного образа жизни, деяния и бытия, а также полярность север – юг, представленная в новелле синим и зеленым цветом, находятся в тесной связи с важной диалектикой рационального и нерационального типов существования Музиля [7]. Но, как утверждает В. А. Кутырев, как только произошло разделение полов, так тут же возникло непреодолимое желание слиться обратно воедино, так что поляризованность мужского и женского компенсируется вечной энергией соединения [11, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алеулов С. Д. Диалектика мужского и женского в современной культуре [Электронный ресурс] // Культура и образование. – Февраль 2015. – № 2. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3298> (дата обращения : 28.05.2022).
2. Андреева Н. И. Женщины и общество: социально-философский аспект : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Ставрополь, 1995. – 150 с.
3. Антонова В. И., Голяков А. Н. Художественное осмысление мужских и женских образов в романе К. Абрамова «Степан Эрзя» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 11(65) : в 3-х ч. Ч. 1. – С. 12–15.
4. Балакина Л. В. Образ мужчины и женщины в современной немецкоязычной литературе (на примере анализа коротких рассказов) // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 7. – С. 193–198.
5. Гегель Г. Ф. В. Феноменология духа. – М. : Академ. проект, 2016. – 495 с.
6. Ерошенко Т. И. Биполярность и целостность мужского и женского как универсальная проблема человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.13. – Ставрополь, 2007. – 48 с.
7. Карельский А. В. Очерк поэтического познания (Роберт Музиль) // Роберт Музиль. Малая проза. Избранные произведения в двух томах. Роман. Повести. Драммы. Эссе. – Т. 2. – М. : Канонпресс-Ц : Кучково поле, 1999. – С. 305–311.
8. Кwon К. С. Социально-философский анализ проблемы равенства полов и положения женщины в семье и в обществе: на примере России : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – М., 2002. – 174 с.
9. Кириллова О. Ю., Алексеева В. А. Лингвостилистические способы создания образов героев в повести Р. Музиля «Die Portugiesin» // Общетеоретические и частные вопросы современного языкознания : сб. науч. ст. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2020. – С. 236–241.
10. Кириллова О. Ю., Ушакова О. В., Яковлева А. С. Средства создания образа персонажа в художественном произведении (на примере романа Ильдико фон Кюрти «Mondscheintarif») // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2018. – № 3(99) – С. 63–70.
11. Кутырев В. А. Человеческое и иное: борьба миров. – СПб. : Алетей, 2009. – 264 с.
12. Максимова О. Б. Гендерные роли и гендерные стереотипы как социокультурные категории: репрезентационный смысл // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – № 2 [Электронный ресурс]. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK221.pdf> (дата обращения : 25.05.2022).
13. Орлянский С. А. Трансформация образа мужчины в современной культуре : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. – Ставрополь, 2004. – 24 с.
14. Османова Т. А. Языковые средства актуализации гендера в произведениях Виктории Токаревой // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. – Т. 35, № 3. – С. 65–70.
15. Arntzen Helmut. Musil-Kommentar sämtlicher zu Lebzeiten erschienenen Schriften; Teil: [Bd. 1] – München : Winkler, 1980. – 330 S.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022

REFERENCES

1. Aleulov S. D. Dialektika muzhskogo i zhenskogo v sovremennoj kul'ture [Elektronnyj resurs] // Kul'tura i obrazovanie. – Fevral' 2015. – № 2. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2015/02/3298> (data obrashcheniya : 28.05.2022).
2. Andreeva N. I. Zhenshchiny i obshchestvo: social'no-filosofskij aspekt : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.13. – Stavropol', 1995. – 150 s.
3. Antonova V. I., Golyakov A. N. Hudozhestvennoe osmyslenie muzhskih i zhenskih obrazov v romane K. Abramova «Stepan Er'zya» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov : Gramota, 2016. – № 11(65) : v 3-h ch. Ch. 1. – S. 12–15.
4. Balakina L. V. Obraz muzhchiny i zhenshchiny v sovremennoj nemeckoyazychnoj literature (na primere analiza korotkih rasskazov) // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. – 2020. – № 7. – S. 193–198.
5. Gegel' G. F. V. Fenomenologiya duha. – M. : Akadem. proekt, 2016. – 495 s.
6. Eroshenko T. I. Bipolyarnost' i celostnost' muzhskogo i zhenskogo kak universal'naya problema cheloveka : avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk : 09.00.13. – Stavropol', 2007. – 48 s.
7. Karel'skij A. V. Oчерk poeticheskogo poznaniya (Robert Muzil') // Robert Muzil'. Malaya proza. Izbrannye proizvedeniya v dvuh tomah. Roman. Povesti. Dramy. Esse. – T. 2. – M. : Kanonpress-C : Kuchkovo pole, 1999. – S. 305–311.
8. Kvon K. S. Social'no-filosofskij analiz problemy ravenstva polov i polozheniya zhenshchiny v sem'e i v obshchestve: na primere Rossii : dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.13. – M., 2002. – 174 s.
9. Kirillova O. Yu., Alekseeva V. A. Lingvostilicheskie sposoby sozdaniya obrazov geroev v povesti R. Muzilya «Die Portugiesin» // Obshcheteoreticheskie i chastnye voprosy sovremennogo yazykoznanija : sb. nauch. st. – Cheboksary : Chuvash. gos. ped. un-t, 2020. – S. 236–241.
10. Kirillova O. Yu., Ushakova O. V., Yakovleva A. S. Sredstva sozdaniya obraza personazha v hudozhestvennom proizvedenii (na primere romana Il'diko fon Kyurti «Mondscheintarif») // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2018. – № 3(99) – S. 63–70.
11. Kutjrev V. A. Chelovecheskoe i inoe: bor'ba mirov. – SPb. : Aletejya, 2009. – 264 s.
12. Maksimova O. B. Gendernye roli i gendernye stereotipy kak sociokul'turnye kategorii: reprezentacionnyj smysl // Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya. – 2021. – № 2 [Elektronnyj re-surs]. – URL : <https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK221.pdf> (data obrashcheniya : 25.05.2022).
13. Orlyanskij S. A. Transformaciya obraza muzhchiny v sovremennoj kul'ture : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk : 09.00.13. – Stavropol', 2004. – 24 s.
14. Osmanova T. A. Yazykovye sredstva aktualizacii gendera v proizvedeniyah Viktorii Tokarevoj // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. – 2020. – T. 35, № 3. – S. 65–70.
15. Arntzen Helmut. Musil-Kommentar sämtlicher zu Lebzeiten erschienenen Schriften; Teil: [Bd. 1] – München : Winkler, 1980. – 330 S.

The article was contributed on May 30, 2022

Сведения об авторах

Кириллова Ольга Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, <https://orcid.org/0000-0003-3761-6039>, kirillova@bk.ru

Кириллова Наталья Станиславовна – студентка 3 курса факультета иностранных языков Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, kirillova.01@bk.ru

Пушкин Александр Сергеевич – студент 3 курса факультета истории, управления и права Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, 2001.sanya@mail.ru

Author Information

Kirillova, Olga Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Romano-Germanic Philology, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, <https://orcid.org/0000-0003-3761-6039>, kirillova@bk.ru.

Kirillova, Natalya Stanislavovna – Third-year Student, Faculty of Foreign Languages, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, kirillova.01@bk.ru.

Pushkin, Aleksander Sergeevich – Third-year Student, Faculty of History, Management and Law, I. Yakovlev CHSPU, Cheboksary, Russia, 2001.sanya@mail.ru.